Сидя на голове четвертого Хокаге на скале Хокаге, четырехлетний мальчик с черными волосами и серыми радужками смотрел на колоссальный беспорядок, который сейчас творился в Конохагакуре. Половина деревни лежала в руинах, что неудивительно, ведь вчера вечером произошло нападение Девятихвостого Демона Лиса. Мальчик посмотрел вниз и заметил, что из эвакуационного убежища в памятнике выходят мирные жители. Одни плакали, другие утешали их, некоторые судорожно искали, но от всех исходила атмосфера опустошения.

Мальчик просидел там с рассвета до заката, не двигаясь ни на дюйм, глядя на опустошенную деревню. Ночью к мальчику подошел ниндзя со знаками отличия клана Курама и обратился к нему.

"Ицуки, по приказу Совета старейшин Курамы ты исключаешься из клана Курама. Тебе запрещено использовать фамилию и знаки отличия Курама, и ты должен быть переведен в общий приют Конохи".

Ицуки лишь тупо кивнул. Получив подтверждение, ниндзя исчез через шуншин.

"Мама, ты оставила меня одного в этом жестоком мире", - тихо произнес Ицуки.

Он не верил, что она может быть жива. Она тоже была уверена в этом, когда отправилась сражаться с Девятихвостым. Такого специалиста по гендзюцу, как она, отправляют на передовую, где требуются тяжелые штурмовики, а тяжелых бойцов на передовую не зовут.

Чтобы старейшины клана не убили меня молча, она должна была заранее подготовиться. Еще более странно, если принять во внимание малочисленность населения Курамы после Третьей великой войны ниндзя, что они готовы исключить меня из клана, но не убить. У них не будет такой возможности, пока я не стану генином. Мою смерть можно легко замять, если бы я был в клане, но клан Курама уже не настолько влиятелен, чтобы мешать расследованию полиции Учиха".

Ицуки самозабвенно смеется: "А я-то думал, что могу жить беззаботно". Он знал, как действуют кланы. Он знал, какой помойной ямой на самом деле является так называемая самая мирная скрытая деревня. Его мать позаботилась об этом, чтобы вбить в него истинное лицо деревни. Его клан никогда не отпустит его, если я передам родословную клана Курама за пределы их клана. Даже если у меня нет родословной Курамы, для них я слишком рискую.

А еще есть Данзо: стоит мне проявить хоть малейший признак родословной Курамы, как меня тут же депортируют и отправят в лагерь Корня Анбу. А ведь Корень все еще легален, до резни Учихи осталось семь лет, и у меня не будет шансов сбежать, как только Данзо вцепится в меня своими когтями".

Ицуки перестает смеяться и встает, спрыгивая с памятника Хокаге с ловкостью и силой, на которые не имеет права ни один четырехлетний ребенок. Двигаясь мелкими шажками в сторону приюта, он ощущал множество сигналов чакры, перемещающихся туда-сюда, то сталкивающихся, то полностью гаснущих. Некоторые сигналы чакры вспыхивали, но либо они

находились глубоко под землей, либо за стенами деревни.

'Итак, битва за место Хокаге, старая дряхлая обезьяна Хирузен против старого бредового лиса Данзо... простите, Бог Шиноби Хирузен Сарутоби против Ястреба Войны Данзо. Почти уверен, что потери в этом конфликте будут на счету Девятихвостого".

После долгой ходьбы и остановки в людных местах, чтобы не оказаться в неподходящем месте в неподходящее время, Ицуки оказывается перед трехэтажным зданием, которое, к счастью, осталось целым. Зарегистрировать его как сироту оказалось просто: требовалось только имя, дата рождения и имена родителей, два из которых он не указал. Нет ничего странного в том, что трех-четырехлетний ребенок не знает имен своих родителей и даты своего рождения, особенно если это произошло после травмирующего события. Как бы мало это ни было, в детском доме это будет буферной защитой.

Новое здание, переоборудованное после разрушения предыдущего приюта и рассчитанное на большее количество детей, было гораздо больше предыдущего. Получив небольшую комнату на верхнем этаже, Ицуки выглядывает в окно и наблюдает за скорбящими людьми, которые пытаются восстановить свою жизнь, как могут, и несколькими низкоуровневыми ниндзя в духе "воли огня", помогающими вместе с мирными жителями, совершенно не подозревая о кровавой битве за наследство, происходящей под этой скорбящей деревней.

Ицуки достает из мантии тщательно спрятанный свиток длиной с ладонь и читает записку, вложенную в свиток.

"Все вещи, которыми я владел, и все труды моей жизни - в этом свитке, и да, Ицуки, я знаю, что ты умеешь читать с двух с половиной лет. За кого ты меня принимаешь? Я также знаю о твоем "секретном обучении". Почему, как ты думаешь, ты всегда находишь базовые вещи, которые удобно лежат дома. Но я думаю, ты уже догадался об этом. Ты всегда был таким умным, и я очень горжусь тобой и всегда буду гордиться. Я знаю, что ты без труда вычислил виновных в моей смерти, но надеюсь, что ты не станешь обременять себя мыслями о мести. С самого рождения я была прикована к клану, который рассматривал меня только как политический инструмент, и к этой деревне, которая считала меня неполноценной женщиной и обращалась со мной как с инструментом, и я не знаю, что меня оскорбляет больше. Но, сын мой, ты не должен быть прикован, даже если это будет моя месть. Я знаю, что твоя жизнь будет трудной в этом жестоком мире, и если бы я могла, я бы не оставила тебя одного, но иногда в жизни у нас нет выбора. Поэтому, мой Малыш, я надеюсь, прежде всего надеюсь, что ты будешь жить свободно".

http://tl.rulate.ru/book/104189/3645366